

Х Р О Н И К А

ПРЕМИИ ИМЕНИ АНДРЕЯ БЕЛОГО ЗА 1980 ГОД

(за лучшие поэтические, прозаические и критические произведения)

Премия имени Андрея Белого за 1980 год присуждена:
поэту: ВЛАДИМИРУ АЛЕФНИКОВУ,
прозаику: БОРИСУ ДЫШЛЕНКО,
критику: ЮРИЮ НОВИКОВУ.

Вручение премии состоялось 16 января 1981 года.

В соответствии с ритуалом награждения, после вручения почетного диплома и премии /символического рубля/, лауреаты выступили с ответными речами.

БОРИС ДЫШЛЕНКО: Я отношусь к происходящему здесь сегодня как к чрезвычайно важному событию для меня лично, думаю, что эти чувства разделяют со мной все присутствующие. Я размышлял о себе, о других и пришел к следующему выводу: никто из нас никогда Нобелевскую премию не получит, и не получит ее п р и н ц и п а л ь н о, ибо Нобелевская премия, — хотя это и авторитетнейший знак признания, — когда дело касается писателей, живущих в Советском Союзе, присуждается за общественное значение их творчества, — за общественное, ^а не ³литературно-культурное. Когда дело касается советских писателей, происходит смещение акцентов, в котором можно усмотреть определенную дискриминацию. Я и те писатели, с которыми я связан ^{связан} симпатиями, не играем "значительной общественной роли", мы, если воспользоваться выражениями из Нобелевской речи Альберта Камю, "на борту современности не взят", мы не ангажированы. Мы не взят на борт и не стремимся на этот борт забраться, как это делают официальные советские писатели. Наш путь иной, и хотя я надеюсь, что у нас есть место "на борту" русской литературы, но признание этого ^{случ} совершится, повидимому, не скоро, — тогда, когда исчезнет само различие: официальное

и неофициальное искусство.

Теперь мне легко объяснить свою признательность жюри за присуждение премии имени Андрея Белого, — его решение неангажировано и оно, что сейчас чрезвычайно важно, не требует ангажированности от писателей.

ЮРИЙ НОВИКОВ: Я помню, как несколько лет назад обсуждалась необходимость отмечать какие-то вехи, какие-то события культурного движения. Когда заходил разговор о литературной премии, то собеседники никак не могли отделить шутку от серьезного, иронию от убежденности, что премию, естественно надо вручать "за заслуги". Я вспомнил эти разговоры потому, что и сейчас не могу освободиться от шутливого отношения и к премии, и к ритуалу награждения, и к той речи, которую я держу перед вами. Но в то же время, я вполне осознаю ту честь, которая оказана мне, честь быть отмеченным премией Андрея Белого вместе с таким поэтом, как Владимир Алейников, и таким писателем, как Борис Дышленко.

Немного о себе. Расскажу живой анекдот. Много лет назад я поступил на работу в автопарк слесарем. Случилось так, что вместе со мной с направлением отдела кадров в цех явился мой однофамилец, — но шофер. Мастер нас перепутал, шофера послал на ремонт грузовика, мне же дал задание перегонять машины. Ошибку мастер заметил через несколько дней. Но за это время я научился водить автомашину, хотя прежде никогда не садился за руль. Так и критиком творчества ленинградских художников-неофициалов я оказался, в некотором смысле, случайно. И сейчас считаю, что не вполне осведомлен о всех течениях и периодах современного авангарда. Но я понял, что если я не сделаю ту работу, которую делаю сейчас, ее не ^{сделает} выполнит никто и никогда. И браться за нее нужно, не взирая на отсутствие времени и ^инеобходимой подготовки... Я позволю себе высказать убеждение: культура к которой мы принадлежим, вообще в своей основе анекдотична. Однако, хочу предупредить, в слово "анекдотичность" я

несколько не вношу оттенка пренебрежения. Анекдот — не менее вечен, чем эпос. Что осталось от средневековья? — ~~сохранилось~~ лишь то, что неотделимо от иронического восприятия. Подлинная культура пародирует все материализованное и это должно спасти. Только то, что совершенно легко, ^{это предвстает} в народной игре — и есть культура.

Московский поэт ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ не присутствовал на вручении премий. Аркадий Драгомощенко сказал несколько слов о творчестве лауреата.

Аркадий Драгомощенко:

Говорить об Алейникове можно бесконечно. Человек, начавший повествование, рискует выпустить дюжина из бутылки, — история порождает неизбежно следующую, следующая вызывает к жизни еще одну, порой проясняющую первую или десятую, либо полностью противоречащую ~~сказанному~~ ^{сказанному} незадолго до этого. Огромные количества вина и водки льются на слушателя, напоминая в чем-то неестественно величественные окорока театральных подмостков, амфоры, которые с танцующей легкостью слепых проносят туда и сюда, танцовщики в экзотических балетах.

Это так. И вино, и годы, проведенные в странном городе Москва, ставшем для Алейникова, наконец-то, домом, несмотря на то, что строится он двадцать с лишним лет; все это в одно и то же время правда и совершенная ложь. Ибо как соотносить всю эту забубенную, прекрасную, в общем-то, и свободную жизнь с тем, что для него является по-видимому единственной ее мерой — с поэзией. Я не буду вдаваться в подробности, туманить взор слушателей, вспоминать первую встречу с Владимиром Алейниковым в те, скажем, баснословные года, когда казалось, в самом деле, что мир прекрасен и надежды — впечатляющи. Желающие могут прочесть об этом более чем лаконичные заметки в книге "Тень черепахи".

Мы поговорим о поэзии, благо случай, представленный

нам, вполне позволяет это. Что же, на мой взгляд, который, надеюсь, разделяют собравшиеся здесь — иначе, в самом деле, зачем было огород городить?! — позволяет выделить творчество Алейникова из бесконечно двоящихся, троящихся, умножающихся рядов стихотворцев, одетых во всевозможные... одежды, начиная с туник вдоль и поперек расшитых пассаистическими страстями до вполне удобных костюмов типа сафари, годящихся на любой случай и время. Или, говоря по-иному, за что прощаем Владимиру Алейникову наваливающийся, как во сне, чудовищный, немесекаемый речевой поток, способный — привести читателя в шок с последующими ^{ис}седением и онемением. Я задал, думается, неделикатный вопрос, но ответ на него, полагаю, искупит нетактичность, отчасти продиктованную поспешностью, с которой сочиняются поздравительные речи.

Я отвечаю без колебаний, ибо отвечать мне радостно, приятно без всякого сомнения: те примеры его творчества, которые можно обозначить как некие пределы, заключающие и выявляющие из кошмара бесформенного и необязательного — истинные образцы тончайшего и высокого искусства претворения вдохновения, неистовства — в слово, в порядок слов, чуждый тлену эмоционального сопереживания, — и привлекали и будут обращать на себя наше внимание. Но так ли обязательно все то, что вызывает улыбку у знатоков творчества Алейникова? Не следует ли предположить, что это самое необязательное просто означает нескрытое, не вынесенное за скобки листа постоянное состояние, которому мы обязаны и "Провинцией", и "Кукушкой", и многим другим?

Определяет ли количество написанных стихов путь Поэта? И вообще, что его определяет? И вообще, что такое путь Поэта, его судьба? Его предназначение? Чтобы долго не останавливаться на этом вопросе, прибегну к общеизвестному: что же делать, если в какой-то момент мы становимся более терпимыми к общеизвестному? Итак, возвращаясь к предназначению, — слышали мы, что слово-нетленно, что задача поэта состоит в том, чтобы, коснувшись мира своим даром, талан-

том приостановить процесс тления, а может быть, и вовсе спасти то, что неумолимо сжигается и временем, и людьми. Сюда позволительно будет, по-видимому, внести и такие категории, как Красота, Добро и Любовь, за которыми стоит... Но довольно.

Басе утверждал /и трудно ^{запретить} отказать этому мастеру в наивности или претенциозности положений/: если поэт создал за свою жизнь пять-шесть стихотворений, его можно считать мастером, но если удалось больше — он, несомненно, просветлен, геник.

Не будем считать, не станем взвешивать, ведь собрались мы не для этого, а для того, чтобы выразить свою признательность Владимиру Алейникову за его неуклонно и вопреки всему оживающую поэзию.